

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

В. Г. Мороз

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСХОД

(«Причитание» Анны Ахматовой и традиции древнерусской литературы)

В 1962 году в статье, посвященной ахматовскому творчеству, К. И. Чуковский с едва скрываемым изумлением писал: «Анна Ахматова — мастер исторической живописи»¹. К этому запоздалому прозрению критика подвели «Поэма без героя» и тяготеющая к ней поздняя ахматовская лирика... Между тем напряженный историзм, пафос истории составляли исконные принципы ахматовской поэтики: еще в 1922 году Ахматова назвала пятую книгу своих стихов «Anno Domini MCMXXI» («В лето Господне MCMXXI»), превратив собрание лирических стихотворений в летописный свод, сочетающий события земной жизни со знаменами горнего мира. Это редчайшее соединение лирических «откровений» с «гиератической важностью»² летописца породило своеобразную поэтику, придавшую героине Ахматовой черты схимницы (столь «любезные» сердцам хулителей поэта), а самой ахматовской лирике емкий исторический подтекст³. Во оправдание этих суждений (частью затертых до хрестоматийного блеска) уместно обратиться к одному из характерных ахматовских стихотворений, написанных в начале 20-х годов, и попытаться истолковать его исторический и религиозный смысл.

Во втором издании сборника «Anno Domini», вышедшем в издательстве «Петрополис» в Берлине в 1923 году, Ахматова впервые опубликовала стихотворение «Причитание»⁴, посвященное

---

¹ Чуковский К. И. Современники. Этюды и портреты. М., 1967. С. 308.

² В 1916 году в рецензии на «Альманах муз» О. Мандельштам писал: «В последних стихах Ахматовой произошел перелом к гиератической важности, религиозной простоте и торжественности: я бы сказал, после женщины настал черед жены. Помните: «смирренная, одетая убого, но видом величавая жена». Голос отречения крепнет все более и более в стихах Ахматовой, и в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России» (Цит. по: Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987. С. 253).

³ Любопытно, что в своей нашумевшей статье «Ахматова и Маяковский» Корней Чуковский, задавшись вопросом: «Уж не постриглась ли Ахматова в монахини», — остался чужд пониманию исконной связи монашеского подвига и истории, в строгом смысле этого слова ставшей возможной лишь благодаря Христу.

⁴ Сколь ни выделяется в общем строе «Anno Domini» ахматовское «Причитание», в этом стихотворении недвусмысленно раскрыта характерная особенность ее поэзии, подмеченная О. Мандельштамом: «Стихи ее близки к народной песне не только по структуре, но и по существу, являясь всегда, неизменно причитаниями» (Цит. по: О. Мандельштам. Слово и культура. С. 210).

«Причитание» цитируется по изданию: Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Большая серия. Советский писатель. Л., 1976. С. 162—163.

Валентине Андреевне Щеголевой — талантливой драматической актрисе, жене известного русского историка и пушкиниста П. Е. Щеголева.

Причитание

В. А. Щеголевой

Господеви поклонитесь
Во святем дворе Его.
Спит юродивый на паперти
На него глядит звезда.
И, крылом задетый ангельским,
Колокол заговорил,
Не набатным, грозным голосом,
А прощаясь навсегда.
И выходят из обители,
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,
Опираясь на клюки.
Серафим — в леса Саровские
Стадо сельское пасти,
Анна — в Кашин, уж не княжити,
Лен колючий терebить.
Провожает Богородица,
Сына кутает в платок,
Старой нищенкой оброненный
У Господнего крыльца.

24 мая 1922, Петербург.

В наиболее авторитетном советском издании стихотворений Ахматовой, подготовленном для Большой Серии Библиотеки Поэта В. М. Жирмунским, «Причитание» датировано 24 мая 1922 года. Но, как явствует из комментариев, составленных для Ахматовского тома Библиотеки Поэта В. М. и Н. А. Жирмунскими, поэт не всегда придерживался «канонической» датировки. В 1927 году в машинописном оглавлении двухтомного собрания своих стихотворений, подготовленного для кооперативного издательства писателей «Петроград», Ахматова проставила против «Причитания» дату — 21 мая 1922 года⁵. Эта трехдневная поправка, на долгие годы опочившая в архиве П. Н. Лукницкого, служила осторожным намеком на сюжетный источник «Причитания».

21 мая старого стиля Русская Православная Церковь отмечает праздник Владимирской иконы Божией Матери, установленный в XVI веке в память избавления Москвы от нашествия крымских татар в 1521 г. Летом 1521 года войско крымского хана Магмет-Гирея прорвалось к Москве и более месяца опустошало русские земли. Около двух месяцев Магмет-Гирей простоял под Москвой и лишь в августе 1521 года ушел за перешеек, уstraшенный известием о приближении новгородских полков князя В. М. Горбатого.

Набег Магмет-Гирея поразил Русь горем и ужасом. Молва простирала число уведенных в плен до 800 тысяч человек⁶. Вторжение татар осознали на Руси в свете угрожающих апокалиптиче-

⁵ Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. С. 473.

⁶ Свидетельство Герберштейна: «Взятый в Московии полон был столь велик, что может показаться невероятным: гово-

ских знамений. После заключения греками Флорентийской унии и падения Константинополя, превращенного турками в бесерменский вертеп, Русь считала себя последним царством, хранящим верность православию. По мысли русских книжников, столица Православного мира, некогда утвержденная св. Константином на берегах Босфора, сместилась на северо-восток и расположилась в среднем течении Москвы-реки. В первой трети XVI века старец Елеазарова монастыря Филофей нашел хрестоматийную формулу историософским упованиям Руси: **«тако два Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быти...»**⁷ Для русских книжников происходившие в Москве события обретали сугубо провиденциальное значение — в них прочитывалось Божие произволение о мире. Грех, содеянный в столице Руси, был «весомее» греха, совершенного в землях римского кесаря и гишпанского короля. Стоило Москве переполнить чашу терпения, и Божий гнев, обращенный на Третий Рим, ставил мир на грань светопреставления (четвертому Риму не быть). Естественно, что современники набега увидели в татарском нашествии казнь за грехи, отвести которую смогли лишь покаяние и молитва — бранные успехи русского оружия были следствиями прощения, дарованного на небесах. Эту истину подтверждали многочисленные знамения и чудеса, случившиеся в Москве в 1521 году. В середине XVI века в окружении митрополита Макария эти свидетельства были сведены в повесть о «чюде новейшем...», вошедшую составной частью в «Русский временник», «Никоновскую (Патриаршую) летопись» и в «Книгу степеней царского родословия».

«Чюдо новейшее...», изображающее события, празднуемые Церковью 21 мая, задает религиозный, исторический и литературный фон ахматовского «Причитания». Память о московском знаменнии не только подсказывает имя ахматовского юродивого («спит юродивый на паперти» — не святой ли нагоходец Василий?), но и косвенно навеивает строки: **«И крылом задетый ангельским, / Колокол заговорил...» — И авіе слышитъ, тако шумъ великъ и вихоръ страшень и звонъ, тако площадьскихъ колоколовъ...»**⁸

Вместе с тем ахматовское обращение с летописным свидетельством чуждо попыткам перепева старинного предания, романтическому (балладному) переложению чудес и знамений 1521 года. Ахматова никуда не «переносится» и ни во что не «вживается» — она сохраняет верность своему времени и своей судьбе. Подспудное сопряжение святительских исходов, разделенных несколькими веками (1521—1922), достигается в «Причитании» средствами, роднящими ахматовский стихотворный опыт с приемами средневековых книжников: поэт заимствует сюжетный каркас летописного повествования (точнее, его фрагмент) и раскрывает в его формах провиденциальное событие своей эпохи. Источниками обязывающих символических зависимостей становятся не только совпадения и параллели «Чюда...» и «Причитания», но также их оппозиции, сюжетные «повороты», разводящие повествования: в ахматовском знаменнии сонм святителей и чудотворцев не возвращается в покидаемую обитель, в которой остается Богородица с предвечным Младенцем. Кроме первого плана — «безыскусного» плача на стогнах осиротевшего града, ахматовское стихотворение включает второй, символический план, прикровенно свидетельствующий о трагическом надломе русской жизни⁹. В конечном итоге затерянное на страницах «Anno Domini» «Причитание» оказывается удивительно злобо-

рят, что пленников было более восьмисот тысяч. Частью они были проданы туркам в Каффе, частью перебиты, так как старики и немощные (за которых невозможно выручить больших денег) отдаются татарам молодежи, как зайцы щенкам, для первых военных опытов; их либо побивают камнями, либо сбрасывают в море, либо убивают каким-нибудь иным способом...» (Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 175). Безусловно, число угнанных в рабство многократно завышено, «но самое это преувеличение уже показывает сильное опустошение» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. (Т. 5). М., 1989. С. 259).

⁷ Цит. по: Зызыкин М. В. Патриарх Никон и его государственные и канонические идеи. Т. I. Варшава, 1931. С. 156.

⁸ ПСРЛ. Т. 21. СПб., 1913. С. 599.

⁹ Отметим, что из крупных русских поэтов в начале 20-х годов о Владимирской иконе писал Максимилиан Волошин.

дневным: повествование о знамени 1922 года Ахматова укореняет в четырехвековой толще русской истории. Сугубая принадлежность ахматовского видения XX веку недвусмысленно подчеркнута и жанровым определением стихотворения: «...причитание не только ведется в художественном настоящем времени, но и отражает настоящее время действительности. Это настоящее время не условно-художественное, а реальное. Это не иллюзия настоящего времени, а действительность»¹⁰. Дата под стихотворением становится своего рода хронологической метой, временем записи ахматовского погребального плача.

Для лучшего разума петербургского исхода 1922 года впору присмотреться к месту плачей (причитаний) в системе жанров древнерусской литературы. Возникший у славян еще в языческой древности обычай оплакивать покойников и неотделимая от него погребальная причетъ неоднократно упоминаются в раннем летописании. Смерть князя, архиерея, прославленного подвижника, а иногда гибель войска, междоусобная брань или нашествие иноплеменников исторгали у русских людей вопль велий и слезы. «При погребении князя Изяслава, например, (Лавр. лет. под 6586 г.) “не бе лзе слышати пеня во плачи и велице вопли, плака бо ся по немь весь град Киев”; Александра Невского также провожали шумно: “бысть же плач велик зело и кричание много, яко николи же тако, но токмо яко земли потрястися”»¹¹. Со временем о плачах стали не только упоминать, но и «воспроизводить» их на страницах летописей и житийных повестей. Вместе со слезами причети фольклорная стихия проникла в высокую литературу и способствовала формированию нового и весьма своеобразного жанра книжных плачей. Эти писанные плачи были, по словам В. П. Адриановой-Перетц, «лирическими эпизодами ... внутри эпического повествования»¹², их жанровые границы были неопределенными и весьма размытыми, иной раз невозможно указать, где кончается плач и где начинается слава свя-

---

(См.: Максимилиан Волошин. «Средоточье всех путей...» М., 1989. С. 206—208). Его «Владимирская Богоматерь» — своего рода антипод ахматовского «Причитания», выражающий творческие устремления новоевропейского, «ренессансного» человека, чуждого внушениям средневековой поэтики. Стихотворение Волошина представляет собой вереницу декларативных исторических воспоминаний, связанных с чудотворной иконой, скрепленных приличествующим случаю итоговым назиданием, приуроченным к событиям революционной поры:

*Но слепой народ в годину гнева
Отдал сам ключи своих твердынь,
И ушла Предстательница-Дева
Из своих поруганных святынь.
А когда кумашные помосты
Подняли перед церквами крик,
Из-под риз и набожной коросты
Ты явила подлинный свой Лик.
Светлый Лик Премудрости-Софии,
Заскорузлый в скарденной Москве...*
и т. д.

Волошинские строки — это не столько живое свидетельство духовного опыта, причастного сокровенным глубинам русской истории, сколько рифмованные усилия рефлектирующего рассудка, стремящегося выделить квинтэссенцию «переживаний», вызванных демонстрацией в Историческом музее «расчищенного» усилиями Анисимова и Грабаря Образа Владимирской Богородицы.

Зажатый между морализирующими описаниями и заключительным явлением Лика Приснодевы, исход Богородицы хотя и воспринимается в волошинском сочинении как обличение революционных беснований, однако в общем строе стихотворения выглядит несколько «смазанным». В известной мере символика состоявшегося события — «ушла» — оказывается у Волошина «снятой» финальными сентенциями поэта, обретшего Чудотворную Икону в зале Исторического музея.

¹⁰ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 238.

¹¹ Адрианова-Перетц В. П. Очерк поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1948. С. 137—138.

¹² Адрианова-Перетц В. П. Очерк поэтического стиля Древней Руси. С. 135.

тому; как правило, плачи оставались композиционными элементами более широкого целого, лишенными самостоятельного значения. (Отдаленный отзвук этого «подчиненного» положения плачей можно опознать в изначальной публикации ахматовского «Причитания» в составе лирической летописи «Anno Domini», без предварительной «апробации» в журнальной периодике).

Сохраняя генетическую связь с погребальной причетью (и, следовательно, с устной фольклорной традицией), житийные и летописные плачи испытывали преобразующее воздействие христианских воззрений. Не отрицая «законности» и естественности плача по умершим — сам Христос прослезился у гроба Лазаря¹³ — Церковь не уставала осуждать исступленное, вопленное сокрушение по усопшим¹⁴. Для христианина смерть близкого человека — не только личная утрата, но и напоминание о грехе, некогда «зачавшем» смерть. Кончина ближнего должна пробуждать в христианах покаянные чувства, вызывать слезы раскаяния в собственных грехах. «Како не имам плакаться, егда помышляю смерть, видех бо во гробе лежаща брата моего, бесславна и безобразна? Что убо чаю и на что надеюся? Токмо даждь ми, Господи, прежде конца покаяние»¹⁵. Нередко книжные плачи преобразовали погребальную причеть в слезную молитву, облегчавшую стяжание начатка христианской жизни — непрестанного покаяния.

Зыбкие границы житийных и летописных плачей, стремление дать оценку историческим и религиозным заслугам почившего зачастую сообщали причети историческое измерение и подчас явственный «оттенок публицистичности». Несколько злоупотребляя позднейшей терминологией, эти публицистически окрашенные плачи впору сравнить с образчиками «гражданской лирики», неразрывно связанными с порождающими их историческими обстоятельствами. В ряде случаев неустанные попытки сочетать живое чувство утраты с памятованием о злобе дня приводили к риторическому вырождению жанра: например, в «Задонщине» читатель имеет дело не столько с плачем вдовиц, сколько с вопленно декламируемым реестром убыли благородного сословия Московского государства.

Наряду с простонародной причетью другим источником книжных плачей была Библия — обильные ветхозаветные точения слез, нередкие в Давидовых псалмах и пророческих книгах. В отличие от летописных причитаний, тяготевших к фольклору и сопровождавших кончину отдельного человека (либо вполне обозримого круга людей), библейские плачи и связанная с ними литература исполнены скорби о грехах всего народа, города, мира. Как правило, эти творения пронизаны апокалиптическими и пророческими мотивами, грозными знаменами Дня Гнева Господня. Укорененные в библейской словесности, эти «вселенские» плачи образуют самостоятельный литературный жанр, хрестоматийные образцы которого дают XV—XVI столетия, по Д. С. Лихачеву, эпоха «второго монументализма» (например, «Плачь о падении Царьграда» и позднейшие переработки повести о взятии Константинополя в Степенной книге). Донельзя перегруженные риторикой, эти произведения полны прямых и скрытых цитат, прикровенных исторических аллюзий. Зачастую пророческая экзальтация соседствует в них с злободневной публицистикой, столь близкой сердцу книжников Макарьевской школы.

Смысловая прикосновенность «Чюда новейшего...» плачам не исчерпывается слезными молениями св. Сергия и св. Варлаама. Сам сюжетный строй «Чюда...», навеянный Библией, призван исторгать у благочестивого читателя покаянные слезы. Кульминация всего повествования — исход из града святителей и чудотворцев, износящих величайшую московскую святыню — Владимирскую

¹³ «Мария же, придя туда, где был Иисус, и увидев Его, пала к ногам Его и сказала Ему: Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Иисус, когда увидел ее плачущую и пришедших с нею Иудеев плачущих, Сам восскорбел духом и возмутился и сказал: где вы положили его? Говорят Ему: Господи! иди и посмотри. Иисус прослезился» (Ин. XI, 32—35).

¹⁴ См. : Адрианова-Перетц В. П. Очерк поэтического стиля Древней Руси. С. 136—137.

¹⁵ Первый тропарь восьмой песни Канона покаянного ко Господу нашему Иисусу Христу.

икону Божией Матери, восходит к евангельскому образцу. Отправляя учеников на проповедь, Христос заповедал им: «А если кто не примет и не послушает слов ваших, то, выходя из града того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморской в день суда, нежели городу тому» (Мф. 10; 14—15). Исподволь слова Спасителя связывают исход учеников из града, закосневшего в грехе, с рассказом о Лоте и его жене — одним из первых примеров библейских плачей. Но в повести о Владимирском образе, как бы преодолевая самочинную оглядку Лотовой жены, св. Сергей и св. Варлаам обладают тем дерзновением ко Господу, которое дает им силы стремиться навстречу светозарному исходу чудотворцев, умоляя их возвратиться в покидаемый город. Пред взором читателя совершается чудо: Божии угодники обращаются ликами к оставляемой твердыне, и грозное знамение близкой гибели Московской Руси преобразуется в один из моментов Всенощного бдения: перед Кремлем, словно перед алтарем Русской земли, служится лития, и Суд Божий, предложенный на милость предстательством небесных заступников Святой Руси, сменяется торжественным возвращением в вымоленный и спасенный город.

Повесть о «Чюде новейшем...» не была бы плоть от плоти творением макарьевской школы, не вплетай она в рассказ о Господнем вразумлении Православной Руси прозрачных публицистических мотивов. В XVI столетии были памятны Новгородские походы Иоанна Третьего (1471, 1477/78, 1479 годов), процесс мучительного вставания Новгорода в состав Московского Государства. Небесные покровители Новгорода не раз давали чувствовать зарывавшимся москвичам силу своей молитвы. (Расширенная редакция Жития преподобного Варлаама повествует о позорном бегстве Иоанна III от раки с мощами святого¹⁶). Тем знаменательнее, что у стен Кремля о спасении Москвы умоляет не только исконный «московский» святой — преподобный Сергей, но и небесный покровитель Новгорода — св. Варлаам. Их совокупные мольбы становятся своего рода знаком благоволения свыше государственному единству и величию Московского царства...

Внутреннее сюжетное сопряжение ахматовского «Прочитания» и «Чюда новейшаго...» не лишено парадоксальности. Восходя к произведению сугубо книжному — макарьевскому повествованию XVI века, ахматовское стихотворение облечено в форму, свойственную «низовой», простонародной литературе. Этот эффект опосредствования структурами фольклорной словесности смягчает налет книжности, литературной стилизации, почти неизбежный при непосредственном обращении поэта XX века к летописному повествованию времен Иоанна Грозного. В частности, теряет принципиальное значение вопрос о редакции «Чюда...», вдохновившей поэта — убогих плакальщиц об этом не вопрошают.

Сколь ни удивительно, но обращение к фольклорному жанру, существующему на периферии современной литературы, облегчает сохранение органической преемственности с традициями средневековой книжности. Исторически распад древнерусской литературы происходил в форме «вытеснения» некогда высоких жанров словесности в стихию народной культуры, в створе которой писанные творения переключались с неписанными, порождали жанровые мутации, взаимопроникновения, преобразующие иерархию жанров средневековой литературы. Так, с известными усилиями вычленимые типы средневековых плачей, попадая в стихию народной речи, усваивали черты друг друга и, пропитанные библейскими реминисценциями, реликтами житийных сказаний и повестей, обнаруживали родство с одной из загадочнейших форм простонародной словесности — духовным стихом. Его характерная особенность — исходная укорененность в наследии высокой книжности, знакомой по житиям, церковной службе, праздничной проповеди¹⁷. К этой традиции тяготеет и ахматовское «Прочитание»

¹⁶ См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 55—56.

¹⁷ См.: Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.

тание», открывающееся чуть переиначенным стихом XXVIII псалма («поклонитесь Господеву во дворе святем Его...» (Пс. XXVIII, 2) и построенное на сюжетной переключке с повествованием о «Чюде новейшем...»

Заветы средневековой поэтики, ищущие «вечного измерения» в описываемых событиях, укореняют ахматовское стихотворение в «настоящем», в живых обстоятельствах XX века, превращая исторический подтекст — воспоминание о чуде, некогда спасшем Россию, — в источник осмысления постигшей ее революционной катастрофы. К этому же хронологическому рубежу подводит и перечень святых, упоминаемых в «Причитании». Преподобный Серафим Саровский был причтен к лику святых на памяти ахматовского поколения в 1903 году, а общецерковное почитание св. Анны Кашинской восстановили¹⁸ шесть лет спустя — в 1909 г.

Соседство в «Причитании» Саровского чудотворца и благоверной тверской княгини оправдано не только хронологически (временем прославления святых), но и биографически (их местом в жизни поэта). Прадед Ахматовой по материнской линии Егор Мотовилов¹⁹ принадлежал к одному роду с Симбирским совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым — «служкой Божией Матери и Серафима», ревностным почитателем Саровского подвижника, оставившим о нем ценнейшие свидетельства. В начале XX века в дни подготовки канонизации св. Серафима уцелевшие бумаги Н. А. Мотовилова явились важнейшим источником для жития преподобного.

Внятный биографический мотив, пронизывающий шестивековой исторический пласт, связывает жизнь Ахматовой и с судьбой св. Анны Кашинской. День рождения поэта (11 июля ст. ст.) всего одним днем разнится от дня памяти благоверной тверской княгини (12 июля ст. ст.), а жизненный удел св. Анны, потерявшей в Золотой Орде мужа и двух сыновей, воспринимался в 1922 году (спустя несколько месяцев после расстрела Н. С. Гумилева) как трагическое провозвестие судьбы самой Ахматовой.

Не чуждо ахматовское «Причитание» и публицистическим традициям литературных плачей. В предреволюционные годы преподобный Серафим Саровский и святая Анна Кашинская мнились ревнителям «освободительного» движения символами клерикальной реакции, монархическими креатурами на небесах. В России помнили, что прославление преподобного Серафима совершилось по почину российского императора (вопреки мнению синодального большинства), а собравшие стотысячную толпу паломников Саровские торжества 1903 года, приезд царской семьи в Дивеево, сбывшиеся пророчества и чудеса у раки с мощами святого соединили в одном молитвенном порыве всероссийского самодержца и последних русских простолудинов. Несколько менее заметным — событием синодально-царскосельского значения — представлялось современникам возвращение в общерусские святцы святой Анны Кашинской. Накануне революции прославление преподобного Серафима и восстановление церковного почитания благоверной тверской княгини нередко сочетали в нерасторжимое храмовое единство, чему примером возведение на кладбище Донского монастыря церкви св. Серафима Саровского и св. Анны Кашинской (в 20-е годы превращенной в I московский крематорий). В Советской России, мостившей дорогу в царство чисток, пятилеток и промфинпланов, упоминание

¹⁸ Св. Анна мирно отошла ко Господу 2 октября 1338 года. Чудеса при ее гробе начались в Смутное время, во время осады Кашина польско-литовскими войсками. Благоверная княгиня явилась пономарю Успенского собора Герасиму и сказала ему, что она молит Спасителя и Богородицу об избавлении от иноплеменников. На Соборе 1649 года было решено прославить благоверную княгиню в лике святых Русской Церкви. Однако в 1677 году по настоянию патриарха Иоакима, обремененного борьбой с расколом, почитание св. Анны, лежавшей в раке с двоеперстно сложенной десницей, было упразднено.

¹⁹ По словам Ахматовой, «одна из княжен Ахматовых — Прасковья Федосеевна — в XVIII веке вышла замуж за богатого и знатного симбирского помещика Мотовилова. Его дочь Анна Егоровна — моя бабушка» (цит. по: Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. М., 1991. С. 216).

св. Серафима и Анны было простейшим способом обнаружения своей скрытой «контрреволюционности», знаком органического неприятия происходивших в стране перемен.

Исторические аллюзии, пронизывающие «Причитание», не исчерпываются оглядками на повесть о «Чюде новейшем...» и косвенными намеками на канонизации начала века. Характерные для ахматовской поэзии строки:

*И выходят из обители,
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,
Опираясь на клюки,*

звучали на пятом году революции не столько в лирическом, сколько в «агитационном» регистре. Голод, превращенный в инструмент гражданской войны, охватил к концу 1921 года 23 миллиона жителей Крыма и Поволжья. Русская Православная Церковь и созданный при участии «буржуазной» интеллигенции ПОМГОЛ устремились на помощь страждущим. Церковная и общественная благотворительность, ускользающая от контроля ВКП(б), не отвечала видам большевистского руководства. Стремясь обуздать крамольную самодеятельность Церкви, ВЦИК 6 (19) февраля 1922 года принял постановление о принудительном изъятии церковных ценностей, включая священные сосуды и чаши, используемые при богослужении.

15 (28) февраля 1922 года св. патриарх Тихон обратился с посланием ко всем верным чадам Русской Православной Церкви:

«Среди тяжких бедствий и испытаний, обрушившихся на землю нашу за наши беззакония, величайшим и ужаснейшим является голод, захвативший обширное пространство с многомиллионным населением.

Еще в августе 1921 года, когда стали доходить до нас слухи об этом ужасном бедствии, Мы, почитая долгом своим прийти на помощь страждущим духовным чадам Нашим, обратились с посланиями к главам отдельных христианских Церквей (Православным Патриархам, Римскому Папе, Архиепископу Кентерберийскому и епископу Йоркскому) с призывом во имя христианской любви произвести сборы денег и продовольствия и выслать их за границу умирающему от голода населению Поволжья.

Тогда же был основан Нами Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим, и во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначавшихся на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана Советским Правительством излишней, и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче и сданы правительственному Комитету.

Однако в декабре Правительство предложило Нам делать, при посредстве органов церковного управления: Св. Синода, Высшего Церковного Совета, Епархиального, Благочиннического и Церковно-Приходского Совета — пожертвования деньгами и продовольствием для оказания помощи голодающим. Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, Мы нашли возможным разрешить церковно-приходским Советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, о чем и оповестили Православное население 6 (19) февраля с. г. особым воззванием, которое было разрешено Правительством к напечатанию и распространено среди населения.

Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям Церкви, 10 (23) февраля ВЦИК, для оказания помощи голодающим, постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие богослужебные церковные предметы. С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотат-

ства, и Мы священным Нашим долгом почли выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных духовных чад Наших...»²⁰

Изъятие церковных ценностей совершалось не ради помощи голодающим. Постигшее Россию бедствие большевики использовали для ограбления Церкви. Председатель совета народных комиссаров (Ленин), выбросив лозунг «новой экономической политики» — временного «отступления» от революционных заветов, не преминул соблазниться ремеслом церковного татя («клюквенника»). В своей обычной манере, соединяющей патологическое властолюбие с надрывной уголовной развязностью, вождь писал в секретном циркуляре Молотову:

«Я думаю, что... наш противник делает громадную ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительный благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 90-ми из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля на голову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно невыносимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь...»²¹

15 (28) марта 1922 года «Известия ВЦИК» опубликовали список «врагов народа»: первым среди «врагов» назван патриарх Тихон «со всем своим Церковным Собором»²². Весной 1922 года по всей России прокатилась волна кровавых столкновений — верующие пытались отстоять церковное достояние. 13 (26) апреля в Москве открылся «судебный» процесс по делу о Церковных ценностях (11 человек — к расстрелу)²³. 22 апреля (5 мая) св. патриарх Тихон дал свидетельские показания «суду», а две недели спустя агенты ГПУ арестовали Патриарха и перевели его в Донской монастырь под домашний арест²⁴.

В Петербурге массовая конфискация церковных ценностей сопровождалась кощунственным вскрытием мощей св. князя Александра Невского. 12 мая 1922 года специальная комиссия Петросовета произвела публичный «осмотр» останков благоверного князя (серебряная рака святого была изъята большевиками)²⁵. За несколько дней до написания Ахматовой «Причитания» — 29 мая н. ст. по распоряжению из Москвы ГПУ арестовало петроградского митрополита Вениамина (Казанского).

²⁰ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917—1945. YMCA-PRESS, 1977. С. 278—279.

²¹ Там же. С. 281—282.

²² Там же. С. 284.

²³ Там же. С. 285.

²⁴ Там же. С. 285, 290.

²⁵ Звенья. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 556, 568.

В числе облыжно обвиненных клириков и мирян митрополита предали «суду» и после утверждения приговора ВЦИКом в ночь с 12 на 13 августа расстреляли вместе с архимандритом Сергием (Шейным), профессором Ю. П. Новицким и присяжным поверенным И. М. Ковшаровым. По далеко не полным данным протопресвитера М. Польского в 1922 году в ходе изъятия церковных святынь большевиками было умиротворено 8100 клириков и монахов²⁶, не считая многих тысяч мирян²⁷.

Напрашивающееся сравнение с «Чудом новейшим...» еще более усиливает символическое значение ахматовских строк *«И выходят из обители, / Ризы древние отдав...»* В видении 1521 года сонм святителей и чудотворцев, износящих Владимирский образ Богородицы, явлен во всем сиянии и блеске церковного достояния: **Съ ними же несомъ баше и самыи чудотворныи образъ Пречистыа Богоматери ... и прочаа иконы и честныи кресты и евангеліа и прочаа сватыни съ кадилы и со свѣщами и съ лампадами и съ рипидами и съ хоругвьми, и вса по чинѹ...**²⁸ Иным, чуждым торжественности, изображено ночное шествие российских заступников в ахматовском «Причитании»: сопровождаемые процессиальными ударами колокола, нищей толпой исходят они из града.

Первые же строки «Причитания» подсказывают, что за «обитель» разумела Ахматова в своем плаче. Стих XXVIII псалма: **поклонитесь Господеви во дворѣ свѣтемъ Егѹ** (слегка перифразированный в зачине ахматовского стихотворения) был начертан на фронтоне Владимирского собора в Петербурге. («Снятые давным-давно надписи: “Дому сему подобает святыня Господня в долготу дней” на Инженерном замке, “Господеви поклонитесь во святем дворе Его” на Владимирском соборе — выступали на фронтонах» — писала Ахматова в прозаическом наброске в 1962 году²⁹). Освященный в честь Владимирской иконы Божией Матери, сооруженный Старовым храм воплощал на невских берегах московские предания, и, увязывая с ним свое «Причитание», Ахматова изначально, вступительными строками стихотворения, косвенно указала на летописный источник своего плача.

По сравнению с повествованием о чудесном спасении Москвы молитвенным предстательством собора святых вступление ахматовского «Причитания» выглядит куда мрачнее: обитель покидают небесные покровители России, и никто не препятствует их исходу. Впрочем, это исполненное трагизма ночное шествие чудотворцев все же остается у Ахматовой условным («еще не покается...») профетическим знамением, а не сбывшейся приметой неотвратимой апокалиптической казни. Скрепив точкой строку «Опираясь на клюки», поэт не ввергает читателя в пучину губительных страданий и не продолжает своего «Причитания» в духе сочиненной в 1924 году «Лотовой жены»³⁰:

*Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома...*

²⁶ Новые мученики российские. Первое собрание материалов. Составил протопресвитер М. Польский. М., 1991. С. 214.

²⁷ Чем нередко заканчивались в годы гражданской войны изъятия святынь, свидетельствовал С. П. Мельгунов: «Найдём ли мы в жизни и в литературе описание, аналогичное тому, которое приводит Штейнберг о происшествии в Шацком уезде Тамбовской губ. Есть там почитаемая народом Вышинская икона Божьей Матери. В деревне свирепствовала испанка. Устроили молебствие и крестный ход, за что местной Ч. К. были арестованы священники и сама икона... Крестьяне узнали о глумлении, произведенном в Ч. К. над иконой: «плевали, шваркали по полу», и пошли «стеной выручать Божью Матерь». Шли бабы, старики, ребятишки. По ним Ч. К. открыла огонь из пулеметов. Пулемет косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым, лезут напролом, глаза страшные, матери детей вперед; кричат: «Матушка, Заступница, спаси, помилуй, все за Тебя ляжем...»» (Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918—1923. М., 1990. С. 103).

²⁸ ПСРЛ. Т. 21. С. 601.

²⁹ Хейт А. Анна Ахматова. С. 247—248.

³⁰ Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы С. 160.

В ахматовском плаче святители и чудотворцы, оставляя обитель, не отрясают от ног своих прах дольного мира, вверяя Россию ее роковой судьбе. «Акмеистическая» конкретность ахматовского «Причитания»:

Серафим — в леса Саровские...

Анна — в Кашин...

преображает ночной исход чудотворцев в спасительную миссию, с которой святые заступники России грядут по русской земле. Сама Богородица остается в страждущем граде (*Провожает Богородица, / Сына кутает в платок...*), не отнимая от России своего заступничества и покров...

Это соединение горя (причитание — плач по умершим) с даруемым свыше утешением воспроизводит характерную для сборника «Anno Domini» интонацию, традиционно иллюстрируемую хрестоматийными ахматовскими строками³¹:

Все расхищено, предано, продано,

Черной смерти мелькало крыло,

Все голодной тоскою изглодано,

Отчего же нам стало светло...

Что побудило Ахматову, используя традиционный поэтический жанр (причитание) пересмотреть сюжет «Чюда новейшаго...», лежащий в основе стихотворения? Повествование XVI века, засвидетельствованное Церковным Преданием, затрудняет трансформацию его сюжета в некоем ином поэтическом тексте (тем более построенном на библейских реминисценциях — «Господеви поклонитесь...»). Совершенная в ахматовском «Причитании» сюжетная метаморфоза окажется едва ли допустимой поэтической вольностью, если она не будет оправдана неким другим (недавним) откровением, совершившимся на памяти поэта.

Небесные знамения революционной поры мистически оправдывали ахматовское переосмысление сюжета. 2 марта 1917 года, в день отречения от престола последнего русского государя, в селе Коломенском под Москвой был обретен чудотворный образ Божией Матери Державной. На иконе Богородица явила себя в царском венце со скипетром и державой в руках, зримо свидетельствуя миру, что Она — Владычица Небесная приняла инсигнии царской власти над раздираемой смутой Россией. Внятное миллионам православных христиан попечение Богородицы о судьбах одержимого революционным беснованием народа сообщило провиденциальное значение концовке ахматовского «Причитания», завершено видением державной покровительницы России на стогах невиской столицы.

Подробности обретения чудотворной иконы публиковались в дни смуты на страницах газет, из уст в уста передавались по всей России. 13 февраля 1917 года жительница слободы Перерва Евдокия Андрианова в тонком сне услышала голос: «Есть в селе Коломенском большая черная икона, ее нужно взять, сделать красной, и пусть молятся». Чуть менее двух недель спустя, 26 февраля, Евдокии было второе видение — большая белая церковь и в ней восседающая на троне Богородица. После исповеди и причастия, 2 марта 1917 года, сопровождаемая настоятелем Вознесенской церкви отцом Николаем Лихачевым, Андрианова тщетно разыскивала икону в храме, на колокольне, и лишь на церковном дворе, в груде рухляди приходской сторож нашел почерневший от времени образ, в котором Евдокия признала виденную во сне икону³². Весть о новообретенной святыне облетела Москву, в Коломенское потянулись толпы паломников, случилось, недужные, приложившись к Державной иконе, получали исцеление. При ближайшем участии св. патриарха Тихона Державному образу Пресвятой Богородицы была составлена служ-

³¹ Там же. С. 166.

³² Россия перед вторым Пришествием (материалы к очерку русской эсхатологии). Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1993. С. 185—188.

ба³³. Многочисленные списки Державной иконы разошлись по России — один из них был установлен в Петербурге, в храме Алексия человека Божия на Петроградской стороне³⁴. Вскоре после обретения чудотворного образа монахини Вознесенского кремлевского монастыря по архивным спискам установили, что прежде икона принадлежала их обители и была передана в Вознесенскую церковь села Коломенского перед вступлением французов в Москву в 1812 году³⁵. Эта историческая деталь косвенно связывает Державный образ Пресвятой Богородицы с летописным повествованием о «Чюде новейшем...» В книге «Святыня под спудом», первоначально опубликованной в «Троицком слове», а позднее вышедшей отдельным изданием, С. А. Нилус напечатал дневниковую запись иеромонаха Евфимия (Трунова), извлеченную из рукописного собрания Оптинского монастыря: «Уже на что было в Москве накоплено много сокровищ святыни — числа не было! А разве не видели богоугодные очи праведников, как перед самым вступлением Наполеона в Москву, из Кремля через Спасские ворота выходили, отрясая прах с ног своих, угодники Московские? Мало кто этому ныне стал верить, но не от суждения, не от их признания или непризнания зависит стояние правды, и для веры нелицемерной событие это, ставшее известным до Наполеонова нашествия, оправдание себе нашло в тех последствиях, которые оно собою знаменовало»³⁶. Видение праведников 1812 года восходит к тому же евангельскому образцу, что и «Чюдо новейшее...», совпадая с летописным преданием вплоть до частных деталей: оба раза исход угодников совершался Фроловскими (Спасскими) воротами Московского Кремля.

По одному из свидетельств, «после прославления Державной иконы Владычицы Евдокия Андрианова начала ходить собирать деньги на ризу новоявленной иконе. Когда собрала, то решила поехать в Дивеевский монастырь помолиться и попросить благословения на возложение ризы. Тут она снова удостоилась явления Божией Матери, которая ей сказала, чтобы она вернула собранные ею деньги. Сейчас не надо Ей на икону ризу возлагать, так как скоро в России будут снимать со всех икон ризы. А после испытаний российских сама риза к Ней подойдет...»³⁷

Общеизвестно, какое место занимало Коломенское в судьбе Ахматовой: Вознесенская церковь, где обрели Державную икону, была излюбленным местом ахматовских паломничеств в закатные годы творца «Причитания» («Как я завидую Вам в Вашем волшебном Подмоскovie, с каким тяжелым ужасом вспоминаю Коломенское, без которого почти невозможно жить...»³⁸). Трудно с определенностью судить, насколько был осведомлен поэт в обстоятельствах обретения чудотворного образа. Вовсе не знать о нем могли люди круга Инессы Арманд и Александры Коллонтай, но не церковно верующая Ахматова. Осенью 1918 года Ахматова жила в Москве возле Зачатьевского монастыря, и характерный колорит тех дней запечатлен в позднейших ахматовских стихах³⁹:

Переулочек, переул...

Горло петелькой затянул.

Тянет свежесть с Москва-реки,

В окнах теплятся огоньки.

³³ Миния. Март. Ч. I. Изд. Московской Патриархии. 1984. С. 42.

³⁴ Россия перед вторым Пришествием. С. 194.

³⁵ Там же. С. 187—188.

³⁶ Нилус С. Святыня под спудом. Тайны православного монашеского духа. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991. С. 231.

³⁷ Россия перед вторым Пришествием. С. 196.

³⁸ Хейт А. Анна Ахматова. С. 270.

³⁹ Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. С. 154.

*Как по левой руке — пустырь,
А по правой руке — монастырь,*

*А напротив — высокий клен
Ночью слушает долгий стон.*

*Покосился гнилой фонарь —
С колокольни идет звонарь...*

Быть может, не лишено символического значения соседство в ахматовском «Наброске» 1962 года упоминания о надписи на фронтоне Владимирского Собора и следующих затем строк: «Гигантская копилка у церкви (где я слушала канон Андрея Критского) и на которой было написано: “Где сокровище ваше, там и сердце ваше”, снова стояла на своем месте...»⁴⁰

В уцелевшем стихотворном фрагменте, датированном первым годом революции, Ахматова писала⁴¹:

*Я в этой церкви слушала Канон
Андрея Критского в день строгий и печальный,
И с той поры великопостный звон
Те семь недель до полночи пасхальной
Сливался с беспорядочной стрельбой,
Прощались все друг с другом на минуту,
Чтоб никогда не встретиться... И смуту
..... судьбой.*

В 1917 году в русских храмах покаянный канон Андрея Критского пели среди самоубийственных торжеств «великой и бескровной», вскоре по отречении от престола императора Николая...

Наконец, в числе наиболее вероятных источников ахматовских познаний о «Чюде новейшем...» была «Книга степенная царского родословия», изданная Императорской Академией Наук в 1913 году. В пору революционной смуты XVI глава («степень») Книги, посвященная знамени Владимирского образа Пресвятыя Богородицы, навела прозрачные ассоциации с обретенной в Коломенском чудотворной иконой, как бы завершившей (утвердившей на небесах) державное преемство Святой Руси.

Приведенные суждения не позволяют с решающей достоверностью судить, насколько осознанно связывала Ахматова свое «Причитание» с Державным образом Божией Матери. Впрочем, сколько-нибудь усердные разыскания о сокровенных ахматовских намерениях вряд ли нуждаются в продолжении. Подлинное поэтическое слово свидетельствует о большем, нежели намеренно предполагает сказать поэт. Уже древние непреложно уяснили, что не столько поэт выговаривает слово, сколько слово сказывается через поэта. Единожды изреченное поэтическое слово раскрывается в горизонте смысловых связей, над которыми автор не властен. И, прозрев Богородицу, провожающую сонм святых (среди них преп. Серафима и преп. Анну), Ахматова сообщила своему стихотворению «седьмой и двадцать девятый смыслы», превратив «затерянное» на страницах «Anno Domini» «Причитание» в плач по России и ее Мученику Царю.

⁴⁰ Хейт А. Анна Ахматова. С. 248.

⁴¹ Анна Ахматова. Сочинения в 2-х томах. М., 1991. Т. 2. С. 86.

